

У эволюции человека есть начало, но может наступить и конец!

К. С. Нагуманов

*Человек произошел не от Бога и не от обезьяны – он произошел от избыточного продукта! Человек есть ансамбль общественных отношений, возникших на базе производства и присвоения избыточного продукта сверх физиологических потребностей организма особи вида *Homo sapiens*. Раб есть недостающее звено между обезьяной и человеком! Он уже не обезьяна, так как производит избыточный продукт, но и не человек, так как не является собственником произведенного им продукта. Раб всего лишь орудие труда.*

*Сравнительно недавно, порядка 10 000 лет назад, над процессом биологической эволюции возникла надстройка культурной эволюции отдельных стад животных вида *Homo sapiens* в связи с переходом от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Неолитическая революция ознаменовалась появлением первых городских поселений и резким ростом численности населения Земли. В настоящее время возникла угроза того, что эволюция человеческого общества в ближайшие 30–40 лет перейдет в постчеловеческое будущее.*

Ключевые слова: *недостающее звено между обезьяной и человеком, единая теория эволюции природы и общества, начало эволюции человека – неолитическая и первая демографическая революции, постчеловеческое будущее.*

Кто мы? Откуда и куда идем? Эти вопросы люди задавали себе во все времена. Правда, глубоко верующего человека они вроде бы и не волнуют – создан он по образу и подобию Божьему, и все в руках Божьих. Уфологи и люди, близкие им по духу и пристрастиям, убеждены, что к появлению человека на Земле приложили руку инопланетяне. При всем уважении к чувствам верующих и необузданным фантазиям других, проблема начала человечества совсем не та, чтобы предаваться подобным иллюзиям, и к ней нужен совершенно иной, серьезный подход.

Для людей науки человек представляется результатом эволюции животного мира. Одни считают, что первым на такую гипотезу решился Жорж Луи де Бюффон, который еще в конце XVIII в. опубликовал «Есте-

ственную историю». Вот в ней-то он и высказал крамольную по тем временам мысль, что люди – потомки обезьян. Идея была воспринята в штыки, а книга – сожжена (Происхождение... б. г.). Другие ссылаются на «Философию зоологии» (1809 г.), где автор первого эволюционного учения Жан Батист Ламарк повторил ту же мысль. Через полвека сразу три зоолога – Карл Фохт, Томас Гексли и Эрнст Геккель – независимо друг от друга решили вслед за публикацией в 1859 г. эволюционной теории Чарльза Дарвина возродить идею происхождения человека непосредственно от обезьян. Случилось это в 1862–1863 гг. Но, как ни бросалось в глаза их внешнее сходство, разрыв в развитии столь очевиден, что не укладывается в дарвиновскую теорию постепенной эволюции. И тогда, чтобы сгладить этот скачок, Геккель и Фохт в 1866–1868 гг. сделали поправку: человек произошел не непосредственно от обезьяны, а от промежуточного вида – обезьяночеловека. Геккель назвал такого «посредника» питекантропом (от греч. *pithecos* – обезьяна и *anthropos* – человек) и предположил, что искать его надо где-то в Юго-Восточной Азии.

Вооружившись этой идеей, врач Эжен Дюбуа отправился на поиски переходной формы от обезьяны к человеку и откопал в 1890–1891 гг. на острове Ява несколько костей умозрительно предсказанного питекантропа. С тех пор антропологи с удвоенной энергией стали искать материальные следы предка человека по всей планете. Причем вместо останков единственного промежуточного существа накопили столько разных скелетов, что получилась не линейная цепь эволюции, а развесистое древо родословной гоминидов. И теперь им приходится оправдывать неожиданный поворот событий тем, что «поскольку становление человека – длительный процесс, а эволюция непрерывна, то между человекообразным приматом, жившим 10 млн лет назад, и современным человеком было много звеньев» (Соколов 2015: 41). Но это уже от лукавого, потому как речь идет не о всей цепочке звеньев, а о поиске того конечного и единственного недостающего звена в этой цепи, которое определено «еще не человек», но «уже и не обезьяна»!

Фиаско с поиском недостающего звена есть лишь один из явных симптомов «болезней роста» в полуторавековом развитии антропологии как науки. При этом она наступает на те же грабли и должна пройти те же этапы и трудности, которые выпали на долю других, уже состоявшихся наук. И в этом плане весьма поучительна история становления такой древнейшей науки, как астрономия.

Первую, наиболее известную систему мира во II в. н. э. построил древнегреческий астроном и математик Клавдий Птолемей. Идейной основой для этой цели послужили представления древнегреческих философов о том, что Земля неподвижна и находится в центре Вселенной (Аристотель), а движения других небесных тел вокруг Земли возможны только по окружностям и к тому же должны быть равномерными (Платон).

Но эти установки приходили в противоречие с неравномерным и в особенности попятным движением планет. И вот стараниями Птолемея все же удается «втиснуть» известные в то время небесные тела в равномерные движения по окружностям в виде комбинаций эпициклов и деферентов.

Опытными данными для геоцентристской системы мира послужили наблюдения за движениями планет, полученные невооруженным глазом. Однако уже в Средние века более точные, инструментальные наблюдения показывали все увеличивающийся разрыв между теорией и опытом. Чтобы сгладить расхождения, для планет стали вводить дополнительные эпициклы, причем центр каждого последующего двигался по окружности предыдущего, и только по последнему эпициклу двигалась сама планета. Модель мира становилась громоздкой, запутанной, все менее пригодной для практики и требовала замены. Но для этого надо было пойти против устоявшихся за тысячелетие догм, жестко охраняемых христианской церковью (вспомним сожженного на костре Джордано Бруно).

Тем не менее такие люди нашлись. Первым на радикальный пересмотр устройства мира решился Николай Коперник, поместивший в центр Вселенной вместо Земли Солнце. Затем Иоганн Кеплер заменил равномерное движение планет по окружности на неравномерное по эллипсу, а Исаак Ньютон открыл причину, заставляющую небесные тела двигаться по этим эллипсам, а именно – силу взаимного тяготения. Это дало астрономам возможность перейти от простого описания к объяснению и даже к предсказанию небесных явлений! Свидетельством наступившей зрелости и торжества подлинно научного подхода послужило «открытие на кончике пера» в 1846 г. планеты Нептун Джоном Адамсом и Урбенем Леверье. Оба они независимо друг от друга, опираясь на наблюдаемые отклонения планеты Уран от положенных ему по теории координат, рассчитали массу и орбиту неизвестной планеты, оказывающей влияние на перемещения по небу Урана. Направленный в указанную точку на небосводе телескоп подтвердил верность теоретических расчетов.

Так сформировалась небесная механика, ставшая для других естественных наук эталоном и ориентиром в деле построения полноценной научной теории. Из этой истории ученым необходимо вынести очень важный и полезный урок – нельзя строить научное знание на голой очевидности и застывших догмах. Действительность зачастую оказывается им прямо противоположна! Эту мысль весьма четко обобщил еще Карл Маркс: «Если бы явление и сущность совпадали, то наука была бы излишня» (Маркс 1962: 384).

Вернемся теперь к проблеме происхождения человека. Антропология наших дней представляет собой «птолемеевский» этап ее развития. Она увлечена обследованием каждого отдельного дерева, но нет и мысли окинуть взглядом весь лес. Между тем настало время критически взглянуть на те исходные пункты, от которых «пляшут» ученые. Если истоком гео-

центристской системы мира послужило такое близкое сердцу и очевидное взору каждого обывателя представление о неподвижности Земли, то и антропология не смогла пройти мимо бросающегося в глаза внешнего сходства обезьян и людей. Если Птолемей заставлял небесные тела двигаться по совершенным математическим фигурам – окружностям, то и в антропологии ученые не мудрствуя лукаво в качестве совершенной фигуры взяли особь вида *Homo sapiens*. Как-никак венец творения! И теперь проблему происхождения человека пытаются свести к эволюции внешнего и внутреннего строения приматов в направлении к этому совершенному образцу. Однако установить, где и в какой момент времени совершился переход к «окружности» в эволюционном движении приматов к людям, так и не удается, хотя пытаются учесть и изменения, прогресс в орудийной деятельности гоминидов. Но и это не спасает положение – «найти морфологический критерий разграничения высокоразвитых ископаемых человекообразных прямоходящих приматов, систематически использовавших различные природные предметы в качестве орудий (австралопитеки), от тех, которые изготовили первые искусственные орудия и тем самым стали первыми людьми, невозможно» (Харитонов 2010).

В своей речи при вручении Нобелевской премии по химии (1908 г.) Эрнест Резерфорд разделил науки о природе на физику и коллекционирование марок. Если воспользоваться этой классификацией, то физическая антропология заменила марки на коллекционирование скелетов. Причем за полтора века скелетов накопилось столько, «что именно их многочисленность становится проблемой для антропологов, поскольку оперировать столь большим материалом уже трудно», – сетует один из них, Станислав Дробышевский (Соколов 2015: 42).

Обычно жалуются на недостаток исходных данных, а здесь их избыток, и он не столько помогает, сколько мешает решению проблемы происхождения человека. Мало того, все более убеждаешься в том, что несомненные успехи генетики, молекулярной и эволюционной биологии, других смежных дисциплин при разработке узкоспециальных вопросов в своей области рождают ложные для антропологов ориентиры и ожидания, уводят в сторону от корректной постановки проблемы и ее решения. Как можно рассчитывать на успех, если у них до сих пор нет даже четкого, строго научного понятия, что такое человек! Получается как в доброй русской народной сказке: «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Короче говоря, пора уже исследователям оглянуться назад на свои исходные установки, критически пересмотреть их и, если надо, отказаться от наивных, казалось бы, интуитивно ясных и верных представлений о человеке. Перейти, образно говоря, от гео- к гелиоцентристской системе человекознания, от описательной, «птолемеевской» стадии развития антропологии к объяснительной. Но для этого надо вырваться из ставших

уже узкими рамок биологической эволюции и взглянуть на обсуждаемую проблему с более общих позиций.

Ответить на вопрос об исторических обстоятельствах рождения человека удается с позиций единой теории эволюции природы и общества (см.: Нагуманов 2016; 2018 и др.). Простейшим свойством систем и исходным пунктом единой теории эволюции служит стабильность (устойчивость) систем во времени (Рис. 1).

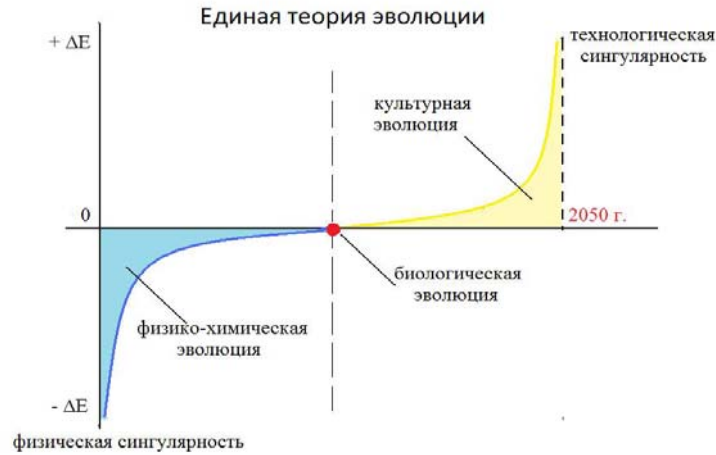

Рис. 1. Геометрическая модель условий стабильности основных уровней организации природы и общества

При этом математически условия стабильности основных уровней организации окружающего нас мира выражаются в следующем виде:

$$\text{Физическое тело: } \Delta E = E_{\text{внутр.}} < 0 \dots \quad (1)$$

$$\text{Животное: } \Delta E = E_{\text{внеш.}} - E_{\text{физиолог.}} = 0 \dots \quad (2)$$

$$\text{Человек: } \Delta E = E_{\text{внеш.}} - E_{\text{физиолог.}} > 0, \dots \quad (3)$$

где ΔE – запас энергии, определяющий стабильность системы;

$E_{\text{внутр.}}$ – внутренняя энергия физического тела;

$E_{\text{внеш.}}$ – свободная энергия, извлекаемая организмом из внешней среды;

$E_{\text{физиолог.}}$ – свободная энергия, необходимая для покрытия физиологических потребностей организма.

Проще говоря, стабильность физического тела (прочность связей между его частицами) определяется той энергией, которая выделилась во внешнюю среду при образовании связей между его частицами, – условие (1). Обратный процесс разрушения такого тела требует вернуть и приложить к этим связям энергию, превышающую ранее выделившуюся. Так, чтобы разбить обычный камень, достаточно энергии удара увесистым молотком.

А вот для разрушения связей между атомами и молекулами живой плоти не нужно даже внешней энергии удара – достаточно энергии беспорядочного теплового движения самих частиц. Поэтому для своей стабильности живой организм вынужден постоянно заниматься восстановлением этих связей, «саморемонтом», и для этого добывать энергию и материал в виде пищи из внешней среды – условие (2). Следовательно, биологическая жизнь есть способность живого организма обеспечивать динамическую стабильность своих биомакромолекул путем извлечения и использования свободной энергии из внешней среды.

Для своего выживания и развития животному достаточно добывать энергию в пределах физиологических потребностей организма – это жизненно необходимый продукт. И все же в ходе эволюции среди миллионов разнообразных вариаций живых организмов выделился биологический вид *Homo sapiens* своей удивительной, из ряда вон выходящей способностью добывать энергию из внешней среды сверх физиологических потребностей в виде избыточного (прибавочного) продукта – условие (3). «Все развитие человеческого общества после стадии животной дикости начинается с того дня, как труд семьи стал создавать больше продуктов, чем необходимо было для ее поддержания, с того дня, как часть труда могла уже затрачиваться на производство не одних только жизненных средств, но и средств производства. Избыток продукта труда над издержками поддержания труда и образование, и накопление из этого избытка общественного, производственного и резервного фонда, все это было и остается основой всякого общественного, политического и умственного прогресса» (Энгельс 1961: 199).

Критерий человека – чисто энергетический. В нем нет ничего от морфологии или анатомии особи вида *Homo sapiens*. Вообще в человеке нет ни капли крови! Чтобы прояснить это утверждение, проведем следующую аналогию. Все сейчас пользуются воздушным транспортом. С завершением посадки пассажиров самолет отъезжает от здания аэропорта и выруливает на взлетно-посадочную полосу. Но на всем этом пути, до полного разбега, самолет, по существу, вовсе и не самолет, а обычный наземный транспорт, перемещающийся по взлетному полю за счет тяги двигателей! Но как только в результате набора достаточной скорости более медленный воздушный поток под крылом по закону Бернулли создаст большее давление на крыло, чем поток над крылом, то возникнет разность давления, поднимающая судно в воздух. Вот эта невидимая, не осязаемая пассажиром подъемная сила и переводит ранее наземный транспорт в состояние воздушного! Если не считать управления потоками воздуха с помощью отдельных элементов крыла, никаких изменений в конструкциях ни фюзеляжа, ни крыльев, ни хвостового оперения, ни двигателей самолета не потребовалось (Рис. 2).

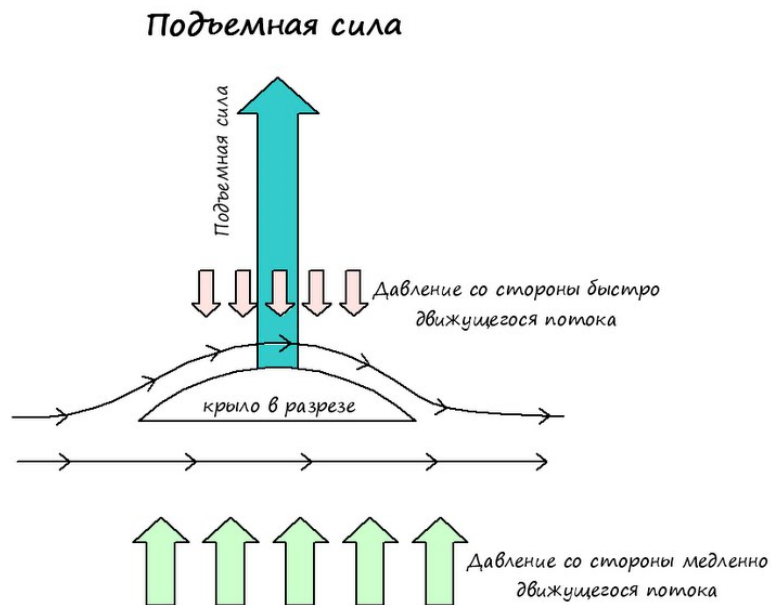

Рис. 2. Механизм появления подъемной силы на крыле самолета

Источник: tavika.ru.

Также не потребовалось каких-либо существенных изменений в теле особи биологического вида *Homo sapiens* и для появления первых людей. В этом случае для создания «подъемной силы» понадобилось только дать первоначальный толчок – заставить животных вида *Homo sapiens* начать регулярное производство избыточного продукта, перейти от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству (Рис. 3). У сапиенсов, как и у многих других животных, присвоение плодов дикой природы как физиологически необходимого продукта происходило в рамках определенных общественных отношений. Но производство избыточного продукта потребовало совершенно иных общественных отношений, и их особенности определили сущность человека. Впервые весьма четко это сформулировал Карл Маркс: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (Маркс 1955: 3). Мы только уточняем и дополняем: отношения, возникающие на базе производства и распределения именно избыточного продукта.

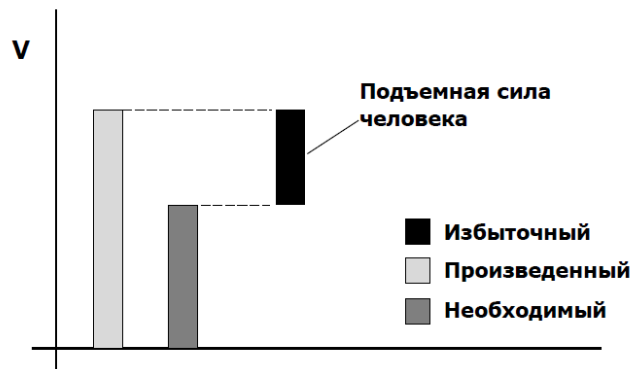

Рис. 3. Избыточный продукт, позволивший отдельным популяциям животных вида *Homo sapiens* подняться на уровень человеческих обществ

Скорее всего, поначалу производство излишков носило непреднамеренный, стихийный характер – удачная охота, урожайный на дикие продукты год и т. п. Но постепенно осознав, какие преимущества, стабильность и процветание в жизни дают эти излишки, первые люди стали наращивать не случайное, эпизодическое, а регулярное производство избыточного продукта. С этой целью, не ограничиваясь изготовлением и совершенствованием обычных, вещественных орудий труда, они стали приручать, использовать диких животных. Так были одомашнены коровы, лошади, овцы, козы и т. п. Чтобы превратить лошадей и быков в покорный тягловый скот, шли даже на то, чтобы пресечь проявление их естественных инстинктов путем кастрации. Так появились мерины, волы, и они стали служить даже мерой при оценке трудоспособности самих людей – «пашет как вол». Естественно, что рабочий скот не был способен претендовать и не претендовал на свою долю в произведенном избыточном продукте. Этот «недостаток» оказал ему добрую службу. Получив новое применение и не подвергаясь скорому убою, как нынешние бройлеры (их жизнь – считанные дни, пока набирают живой вес!) или другой продуктивный скот, домашние животные по воле хозяев продлевали свое существование в качестве тягловой силы. Такой способ переложения тяжелого физического труда на шею скота и, как следствие, наращивание производства избыточного продукта и безвозмездное присвоение совместно созданного богатства хозяевами жизни подтолкнули первые человеческие общества к тому, чтобы породить такое всем известное явление, как рабство.

Люди в необходимых случаях издавна кастрировали себя как особей биологического вида *Homo sapiens* и становились евнухами, кастратами для известных целей. Однако, не останавливаясь на этом, задумались и до

того, что стали кастрировать не только в биологическом, но и в экономическом смысле. На том этапе развития человеческих обществ, когда совершенствование технологий стало способствовать производству работником большего объема продукции, чем необходимо для поддержания собственной жизни, военнопленных, которых прежде убивали, стали принуждать к тяжелому труду на хозяина. При этом они были лишены возможности присваивать свою долю произведенного избыточного продукта и распоряжаться ею. Зато пленники в качестве рабов продлевали свое существование. Чем не кастрированный бык?

Раб является тем «недостающим звеном» между обезьяной и человеком, которое палеоантропологи безуспешно ищут среди скелетов доисторических времен. Причина неудач в том, что современные ученые сводят признаки человека к внешнему облику, строению скелета, прямохождению, объему мозга, речи, сознанию, изготовлению орудий труда и т. п. Но это все – лишь предпосылки становления человека. На уровень человеческих, общественных отношений поднимается лишь тот, кто распоряжается, пользуется избыточным продуктом. Потому-то раб уже не животное, так как производит избыточный продукт, но и не человек, так как лишен возможности воспользоваться этим продуктом. Он – орудие труда! В укор специалистам наших дней отметим, что это четко понимали ученые времен расцвета рабовладельческих обществ, очевидцы взаимоотношений между рабом и рабовладельцем. Вспомним всем известные утверждения из учебной и научной литературы по истории Древнего мира: Аристотель (384–322 гг. до н. э.) – «одни орудия являются одушевленными, другие – неодушевленными. Раб есть одушевленная собственность и наиболее совершенное из всех орудий». Или Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н. э.) – «теперь я буду говорить, какими орудиями труда обрабатываются поля. Эти орудия бывают трех видов: говорящие – рабы, мычащие – быки, немые – повозки, лопаты, плуги».

Осознание фундаментальной роли избыточного продукта в рождении человеческого общества приводит к радикальному пересмотру господствующих до сих пор представлений о человеке. Во-первых, он произошел не от Бога и не от обезьяны; человек произошел от избыточного продукта! Именно с появлением регулярного производства этого продукта над уровнем биологической эволюции вида *Homo sapiens* возник качественно новый уровень культурной эволюции собственно человеческого общества.

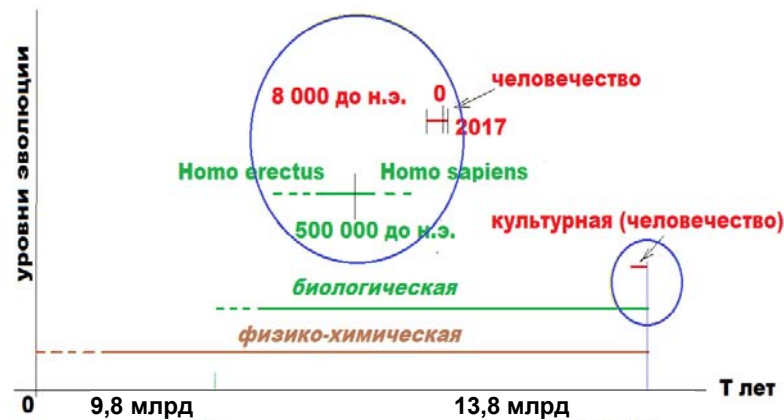

Рис. 4. Последовательность и продолжительность эволюции природы и общества во времени

При этом эпоху качественного скачка от животного к человеку удастся выделить двумя весьма заметными историческими событиями. А именно, производство избыточного продукта приводит: а) к появлению оседлости – первых постоянных поселений, а затем и городов с общественным разделением труда, торговлей, делением на касты, сословия, классы, развитием ремесел, искусства, появлением религий и т. д.; б) резкому и устойчивому росту численности населения Земли.

Наступление обоих этих событий археологи, историки, демографы относят к 8–10-му тысячелетию до н. э. С этого времени принято отсчитывать начало неолитической революции, когда отдельные популяции *Homo sapiens* в разных точках земного шара стали переходить от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию. Революционность перемен состоит в переходе от присваивающего хозяйства к производящему, и потому материального носителя человеческих свойств точнее называть не *Homo sapiens*, а *Homo facitus* – человек производящий! Резкое увеличение численности людей, случившееся в эту эпоху, у специалистов получило название первой демографической революции. Следовательно, с достаточной по историческим меркам точностью можно утверждать, что отдельные, самые ранние человеческие общества появились сравнительно недавно – всего лишь порядка 10 000 лет назад! (Нагуманов 1993: 68.)

Возвращаясь снова к небесным сферам, вспомним, что силы гравитации породили, зажгли звезды, они же их и потушат. Та же история грозит и человеческому обществу: избыточный продукт породил людей, он же может их и погубить. Условие стабильности человека (3) не устанавливает предел наращиванию производства такого продукта! Эту особенность условия развития общества и ее разрушительные последствия сумел про-

зорливо увидеть еще в XIX в. выдающийся историк первобытного общества Льюис Г. Морган: «С наступлением цивилизации рост собственности принял такие громадные размеры, ее формы стали так разнообразны, ее применение так расширилось, а ее использование в интересах собственников так искусно, что она сделалась силой, непреодолимой для народа. Человеческий ум стоит в замешательстве перед своим собственным созданием. Гибель общества должна стать конечным результатом исторического поприща, единственной целью которого оказывается богатство; ибо такое поприще содержит в себе элементы своего собственного разрушения» (Морган 1935: 329). Правда, далее он высказывает надежду, что «настанет время, когда человеческий разум возвысится до господства над собственностью и установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и обязательства и границы прав собственников. Интересы общества господствуют над частными интересами, причем те и другие должны быть приведены к справедливым и гармоническим отношениям.

Голая погоня за богатством не составляет конечного назначения человечества, если только прогресс останется законом будущего, каким он был и для прошедшего» (Там же).

К сожалению, вряд ли этой надежде суждено сбыться. Ведь уже современнику Моргана была ясна безальтернативность стимула: «Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида было ее единственной, определяющей целью. Если при этом в недрах этого общества все более развивалась наука и повторялись периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого невозможны были бы все достижения нашего времени в области накопления богатства» (Энгельс 1989: 184).

Теоретические положения ученых прошлого только подтверждаются действительностью наших дней. Бурное развитие промышленного производства, науки и техники привело к реальной угрозе исчезновения человечества. Кроме опасности ядерной войны или экологической катастрофы, возник еще и демографический коллапс экономически развитых стран – рождаемость в них намного меньше, чем необходимо хотя бы для простого воспроизводства биологической основы людей. Происходит самоликвидация! К тому же становится обычным делом замена человеческих органов протезами, имплантатами. Создаются условия для постепенного превращения биологического организма, содержащего механические и электронные компоненты, в машинно-биологический гибрид. В конце концов от биологической основы человека может ничего не остаться, и говорят уже о возможности наступления постчеловеческого будущего всего лишь через 30–40 лет.

Библиография

- Маркс К. 1955.** Тезисы о Фейербахе. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 3, с. 1–4. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. 1962.** Капитал. Кн. 3. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 25. Ч. II. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Морган Л. Г. 1935.** *Древнее общество.* Л.: Изд-во Ин-та народов Севера; ЦИК СССР.
- Нагуманов К. С. 1993.** О начале зарождения ноосферы. *Учение В. И. Вернадского и современная экологическая ситуация (к 130-летию со дня рождения).* Материалы международной научной конференции, с. 66–68. Акмола-Боровое.
- Нагуманов К. С. 2016.** Критерии жизни и человека и единая теория эволюции природы и общества. *Эволюция: срезь, правила, прогнозы* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаяев, с. 221–228. М.: ЛКИ.
- Нагуманов К. С. 2018.** Теоретическое обоснование и практика оценки стоимости человеческой жизни. *Россия: тенденции и перспективы развития.* Вып. 13. Ч. 1, с. 671–674. М.: ИНИОН РАН.
- Происхождение человека от обезьяны. Б. г.** URL: <https://wiki2.org/ru/>.
- Соколов А. 2015.** *Мифы об эволюции человека.* М.: Альпина нон-фикшн.
- Харитонов В. М. 2010.** Грань между человеком и животным: история вопроса. URL: www.antropogenez.ru/article/190.
- Энгельс Ф. 1961.** *Анти-Дюринг.* В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 20, с. 1–338. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Энгельс Ф. 1989.** *Происхождение семьи, частной собственности и государства.* М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.